Елизавета Соболянская
Цветок папоротника

Елизавета Соболянская

Цветок папоротника

«Автор»

2021

Соболянская Е.

Цветок папоротника / Е. Соболянская — «Автор», 2021

Супруга барона Грейнжа бесплодна, что делать, чтобы избежать унизительного развода? Идти к ведьме! Только сумеет ли благородная леди преодолеть все трудности, чтобы обрести желанное счастье? Мир меча и магии.

© Соболянская Е., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Пролог 5
Глава 2 13
Глава 3 16
Глава 4 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Елизавета Соболянская
Цветок папоротника

Пролог

Хижина ведьмы стояла в глубине старого леса. Тропинка к ней вела едва заметная и очень пугающая – ее часто пересекали упавшие обомшелые бревна, скрывали низко свисающие ветки, по краям едва видимой глазом стежки топорщились колючие травы. Верхом не проехать, да и пешком непросто дойти. Тем не менее, леди Вероника шла, шепча бледными губами молитвы.

Шесть лет назад миловидную дочь рыцаря выдали замуж за барона Грэйнжа. Брак считался хорошей сделкой – отец дал за ней две рощи, заливные луга и мельницу. Барон же прислал в ответ коня, меч и доспехи для старшего брата Вероники.

Соседки завидовали ей – еще бы, муж имел титул, немаленький замок, и желание стать самым крупным землевладельцем в округе! Она сама смотрела на мужчину, которому предстояло стать ее мужем с некоторым изумлением – он был громогласен, широк в плечах и как говорили, весьма богат и искусен в бою. Ее наивное сердечко трепетало, когда жених, сверкая драгоценной цепью и воинским поясом, взял ее за руку, чтобы принести клятву помолвки.

Дальше все закрутилось быстро – спешно пошили платье, из отложенной еще матерью драгоценной ткани, собрали пару сундуков с приданым, и уже через месяц провели брачную церемонию. Барон собирался по первому снегу уйти в поход, и желал оставить замок под присмотром молодой жены.

Все получилось так, как желал барон. Свадьба, пир, ночь в объятиях юной девы и наконец успешный поход. Муж не думал о трудностях, с которыми пришлось столкнуться молодой жене. Веронику хорошо учили дома, но ей пришлось потрудиться, чтобы освоиться с обязанностями хозяйки замка. Самой неприятной из них была необходимость разделить с мужем постель.

В первую брачную ночь барон был пьян. Сначала он кричал и пел непристойные песни, потом храпел, рядом с трясущейся молоденькой женой, а к рассвету проснулся, велел подать воды, воспользовался ночным горшком и… завалил ее, точно овцу на постель, лишил невинности, задрав юбки ночного платья на голову, словно прачке.

Утром невеста была бледна, но все списали на усталость от брачных игр, ведь простыня была щедро орошена кровью и семенем. К счастью для Вероники барон следовал моде высшей аристократии, так что не спал с женой в одной постели, а только навещал ее.

В первый год брака это случалось регулярно и почти всегда одинаково – после ужина барон заходил в ее спальню, выгонял служанок, нагибал жену к постели, делал свое дело и уходил, оставляя Веронику в слезах. Потом она привыкла, научилась думать в такие моменты о хозяйстве, о погоде или собственной усталости.

В первый год барон был довольно терпимым. На людях оказывал жене уважение, дарил подарки, потом начал раздражаться, когда служанки предупреждали его, что «леди сегодня не здорова». На второй год, служанку, которая передала весть о недоступности жены, барон разложил прямо на подоконнике. Девица, к счастью, была тертая, поэтому немного поплакала, получила от баронессы монетку, и утешилась. Потом к барону с сообщением ходили лишь те, кто готов был задрать юбки за серебряник.

На третий год случилось несчастье с отцом Вероники – старого рыцаря хватил удар. Старший брат унаследовал скромный дом и земли, женился и… прислал к сестре их общую младшую сестру, с письмом и небольшим сундуком приданого. Виолетта была младше Вероники

на десять лет и когда-то стоила жизни их матери. Девочка росла тихой, послушной, чем уж она так не угодила невестке, было непонятно.

Баронесса даже обрадовалась – она считалась слишком молодой хозяйкой, да еще и бездетной, поэтому вассалы мужа не присылали к ней своих дочерей. А тут помощница, которой уже десять лет, да и будет с кем поговорить, когда станет тоскливо. Сестра поначалу робела, потом освоилась, прижилась в замке и действительно стала подспорьем и утешением.

Время бежало. К четвертому году барон перестал оказывать своей жене даже малейшие знаки внимания. Хотя продолжал приходить в ее спальню. Теперь она все чаще слышала «сухая ветка», «бесплодная утроба», «пустоцвет». Вероника терпела. Находила свои радости в рукоделии, в приготовлении пищи, в опрятном виде замка, которым она продолжала управлять.

Вот тут ее не мог упрекнуть никто. Обязанности хозяйки она исполняла безупречно. Многочисленные друзья и гости барона Грэйнжа нахваливали чистоту, порядок, вкусную еду и своевременность услуг, а потом печально качали головами – ведь долг жены родить наследника.

Пятый и шестой год брака тянулись для Вероники мучительно, как колючая конопляная веревка. А в самом начале седьмого года, барон бросил взгляд на подросшую, расцветающую Виолетту и буднично сказал жене:

– К концу года уедешь в монастырь. Семь лет бесплодия дают мне право жениться снова.

Молодая женщина побледнела, но удержалась. Знала, коли выскажет какие-либо эмоции, муж будет дразнить, обзывать и давить на нее, пока не доведет до слез.

– Как будет угодно моему лорду, – почти прошептала она и все же спросила: – вы уже выбрали девушку для нового брака?

– Твоя сестра стала весьма аппетитной вишенкой, – оскалился мужчина, неприличным взглядом разглядывая Виолетту, – надеюсь, она будет более плодоносна.

– А если я все же сумею родить вам наследника? – храбро спросила Ника, готовая закричать от ужаса. Представив свою юную и нежную сестру в постели с огрузневшим, от вина и излишней пищи бароном, она едва сдержала тошноту.

– Роди! – заржал барон и пошатываясь ушел из-за стола.

Понимая, что у нее остался один единственный шанс, за следующий месяц Вероника набралась храбрости, расспросила своих горничных, как найти хижину ведьмы. И спустя еще неделю сама отправилась к старухе, дрожа от волнения и страха.

Глава 1

Король сидел в удобном кресле у камина и слушал доклады. Ему ежедневно приходило огромное количество писем, доносов и сообщений, но Его Величество Драгодар Третий предпочитал узнавать новости от людей. Поэтому у него была своя личная разветвленная сеть «ловцов» – мужчин, женщин, стариков и детей. Они проверяли информацию, навещали зарвавшихся вассалов, а иногда своевременным письмом или появлением предотвращали войны.

Его Величество считал, что не бывает мелких дел и уделял равное внимание брачным планам аристократов, и тайным переговорам между ханами Великой степи. Между тем секретарь, привычно зачитывал выжимки из посланий:

– Лерд Думкофф и лерд Маккини примирились, спорный луг дали в приданое за дочерью Маккини. Теперь оба лерда просят вашего разрешения на свадьбу девицы со старшим сыном лерда Думкоффа.

– Разрешить, – Драгдар помнил это дело, за три года упрямые, как бараны лерды почти уничтожили свои кланы, споря из-за лужка, размером с пятипенсовик. К счастью, король сообразил отправить к двум упрямцам не королевского глашатая, а милую улыбчивую даму с весьма округлыми формами. Дело разрешилось за месяц.

– Барон Грэйнж прислал прошение на ссылку жены в монастырь и новый брак в связи с семью годами бесплодия.

– Семь лет уже исполнилось? – скрупулезно уточнил король.

– Исполниться через полгода, – заглянул в бумаги секретарь.

– Краткую справку по барону! – распорядился монарх.

Один из помощников секретаря выбежал из кабинета, и вскоре вернулся с увесистой папкой.

– Краткая? – приподнял брови Его Величество.

– Весьма, – подтвердил секретарь.

– Что ж, давайте! – иногда король читал бумаги лично. Ему подвинули пюпитр и удалились. Будучи очень практичным человеком, Драгдар Третий давно разработал свою схему работы. Пока король читает бумаги, помощники могут выйти по нужде, выпить чая или умыться. Закончив перебирать листы, монарх звонил в колокольчик, призывая помощников и слушание докладов продолжалось.

Однако с этой папкой монарх просидел довольно долго. Барон был наследником отца, в юности жил и воспитывался в доме графа Юбера Лансдора. Ухаживал за его дочерью, даже посвятил девице победу в турнире, но граф не отдал дочь воспитаннику, а объявил, что обучение закончено. Юнец вернулся к отцу, стал успешным воином, но обиду на графа явно затаил. Были и доносы, и мелкие пакости, вроде потоптанного во время охоты поля, но потом случился набег гиратцев, потом сидхи потревожили границы. И барон ушел воевать, забыв про склоки с графом. А когда вернулся, женился на дочери рыцаря.

Про жену барона было написано всего несколько строк. Вероника Грэйнж – в девичестве Стоун. Дочь прежнего рыцаря Стоуна, сестра нынешнего. Славиться в округе, как хорошая хозяйка и благочестивая жена. Взяла на воспитание младшую сестру. Отдельно лежала записочка от человека, служащего в замке. Там указывалось, что барон жене изменяет давно, и вслух говорит, что приданое ее монастырю не отдаст, так как желает взять второй супругой ту самую сестру баронессы. А вот поведение и репутация леди безупречны.

Его Величество потер переносицу, обдумывая ситуацию. Не любил он, когда добрых жен обижали. В свое время навидался такого при дворе. Теперь-то дворяне хотя бы в столице изображают супружескую верность, и половинок своих не обижают. К тому же ни один докладчик не написал о бастардах барона. Коли уж мужчина гуляет от законной жены, то и плоды должны быть! Надо бы уточнить информацию!

Король позвонил в колокольчик, и когда секретарь вернулся, благоухая копченостью, отдал приказ:

– Написать письмо графу Лансдору, с вопросом – почему не отдал дочь барону. У него их две или три? Мог отличного бойца на свою сторону привлечь, но побрезговал. Дальше, кто у нас из ветеранов из баронства родом или поблизости?

– Дэвлин Коркодейл, и Самюэль Лайн! – отозвался помощник, отвечающий за списки «тайных ушей короля».

Монарх призадумался, а потом махнул рукой:

– Отправить их обоих на родину. Выдать подъемные и королевские грамоты. Что они успели заслужить?

Помощник пролистал тонкие папки и поднес королю два наградных листа.

– Тааак, – пробежавши взглядом по списку заслуг, монарх определился: каждому деревенька и денег на обзаведение. Пусть мне новых воинов строгают! Коркодэйлу вот эту, с титулом барона! Замка там нет, но хозяйский дом каменный. Захочет замок – выстроит. Но сперва, пусть выяснят, что и почему задумал барон, и доложат мне.

– Ваше Величество, – недоуменно покрутил головой секретарь, – почему вы уверены, что барон предатель?

– Потому, что он может поизмываться над слабым, и делает это.

Секретарь непонимающе уставился в бумаги:

– Разве здесь об этом сказано?

– Жена барона ниже его по положению, хотя приданое за ней дали неплохое так? – взялся все же растолковать свое мнение Его Величество.

– Так, но это не редкость…

– Отец умер, брат женился и прислал к сестре еще одну сестру. Конечно, она баронесса, но прислал тогда, когда, судя по отчетам, барон уже гулял. Значит, брату сестры не нужны. Своей семьей занят. Так?

– И такое бывает…

– Бывает, – согласился король и напомнил: прошение графа Олбри читал?

Мужчина нахмурился вспоминая. Потом медленно кивнул. Дело было серьезное. Граф – не какой-то там барон, земли и замков у него раз в десять больше. А с женой та же печальная история – не смогла родить за семь лет ни разу. Пыталась, но… В общем одна тень от графини осталась. Она уже сама просилась в монастырь, порывалась руки на себя наложить, а граф подал прошение королю взять на воспитание племянника, с целью передать ему титул и все прочее. Король позволил, и даже направил в замок Олбри своего лекаря. А через год графиня благополучно родила живого ребенка! Сына! А потом еще двоих! А ведь мог прерваться верный и сильный род!

– Я понял, Ваше Величество, – склонился секретарь, – барон действительно ненадежен, я немедля подготовлю все бумаги!

Монарх устало кивнул головой:

– Давай, что там следующее?

– Прошение о пенсии от вдовы генерала Притча!

– Справку!

Рабочий день монарха покатился своим чередом.

Дэвлин Коркодейл, и Самюэль Лайн не были знакомы – служили в разных частях разветвленной королевской службы. Дэвлин был младшим сыном барона, и служил в охране короля. Самюэль Лайн был сыном торговца шерстью, но угодил в отряд «ушей короля» благодаря наблюдательности и тонкому слуху.

Они и внешне сильно разнились – сын барона был светловолосым, статным мужчиной чуть за тридцать. Уже не молод, еще не стар, опытен в службе, да и денег подкопил, чтобы жениться и зажить своим домом. Со службы уволился по приказу короля – с отличной наградой и последним заданием – проследить за бароном Грэйжем.

Самюэль Лайн был невысоким, худощавым брюнетом. Ему пришлось уйти со службы из-за травмы. Он участвовал в захвате колдуна-ренегата, и угодил под воздушную волну после взрыва. Оглох на одно ухо и навсегда потерял ту особенность, которая привела его на королевскую службу. Однако Его Величество отметил верного «тихаря», дал в награду деревеньку и звание рыцаря, а также маленькое задание – приглядывать за бароном Грэйжем.

Встретились мужчины в приемной королевского секретаря. Сухопарый мужчина с тонкими губами и усталыми голубыми глазами вручил им свитки, кошельки и напутствие:

– Пишите не реже раза в месяц, господа, Его Величество очень интересуют дела в баронстве!

Мужчины синхронно поклонились, вышли из дворца и молча двинулись в лазарет гвардии, чтобы забрать свои пожитки. Первым молчание нарушил Коркодэйл:

– Ты куда отправляешься?

Лайн повернулся к нему уцелевшим ухом, дернул плечом, но ответил:

– В Грэйнж.

– Я туда же. Знаешь там кого-нибудь?

– Семья матери родом оттуда, неохотно ответил Самюэль.

– Значит в одну сторону, – понятливо кивнул Коркодейл, глядя на тощий сидор нового знакомого. – Поедем вместе? – предложил стражник. – Выйдет дешевле, заодно обсудим, кто в чем лучше разбирается и за чем присматривать будет.

Сын торговца шерстью задумался и… не отказался. Спутник в дальней дороге не лишний, да и волки еще шалят по весне.

Коркодейл предложил купить повозку и пару лошадей:

– На своих путешествовать проще, а на месте либо продадим, либо в хозяйстве оставим.

И снова Лайн согласился.

На рынок отправились вдвоем. Сын торговца знал к кому обратиться, и где можно получить хорошую скидку, а сын барона разбирался в лошадях и повозках. Они неспешно обошли конный ряд, приценились к упряжи и овсу, перекусили в таверне, проверяя, насколько им комфортно друг с другом, а потом двинулись к невзрачному мужичку в потрепанном ватном халате.

Кони у него были невзрачные и потрепанные, как и сам торговец, но Коркодейл видел, что эта внешняя неопрятность – просто линька. Крепких степных лошадок пригнали на продажу после суровой зимы – видно дела в клане плохи, или случился избыток трехлеток для выпаса, а в теплом городе кони начали спешно избавляться от густого теплого подшерстка. Вот и чесались теперь о заборы, словно паршивые, да и выглядели не ахти.

Переговоры, однако, вел Самюэль. Он умел торговаться так, как любили жители степей – широко размахивая руками, привлекая в свидетели зевак, небо, землю и самих лошадей. Дэвлин восхитился его умениями, когда за сумму, выделенную на покупку пары снулых кобыл, Лайн взял трех молодых гладких лошадок и жеребца, годных на формирование будущего табуна.

За такое дело Коркодейл сам разорился на сбрую и овес. А вот повозку выбирал снова он. Не новую, но крепкую, с большими колесами, гладкими оглоблями и потрепанным верхом из парусины.

– Эта старушка лет пять еще прослужит, – говорил он, смазывая колеса свежим, пахучим дегтем, – а тент подлатаем как-нибудь.

– Заштопать и я могу, – отмахнулся Лайн, – надо бы мешки сеном набить, чтобы мягче ехать было, да провизии прикупить. Возле столицы в трактирах небезопасно.

– Согласен! – услышав, что не нужно будет брать иглу в крепкие пальцы, больше привычные к мечу, Коркодейл сам отправился к старшему конюху, договориться о постое и ковке лошадей, а еще заглянул на кухню, к обожающей его кухарке, чтобы запастись в дрогу парой головок сыра и окороком.

За время сборов мужчины понемногу разговорились, и выяснили, что оба получили земли в одной королевской марке, будут соседями и, хотя выросли в баронстве, про собственные деревеньки ничего не слышали.

– Знаю я, что делать надо! – сказал вдруг Коркодейл, за вечерней кружкой сидра.

– Что? – Лайн повернулся к нему тем ухом, которым слышал, и приготовился слушать.

– К ведьме надо сходить. Мой отец в своем баронстве ведьму всегда поблизости держал. Они к природе ближе, про землю все знают, если не поскупимся, скажут, что где садить, где колодцы копать и куда лучше не соваться.

Самюэль покивал:

– Да, от ведьм толк есть, только где там ведьму искать?

– У местных спросим. Они ж и сами к ведьме бегают, только не говорят вслух, а так, намекнуть могут.

На том и порешили.

Путь до баронства был длинным и скучным. Правда оба путника, чтобы не терять навыков собирали информацию, писали коротенькие отчеты и отправляли в столицу с голубиной

почтой. Мелочи, крошки, которые в руках королевских советников могли стать важной частью будущего.

После нескольких жарких споров, мужчины признали сильные стороны друг друга, и разделили обязанности. Лайн, как более легкий и ловкий чаще сидел на облучке, а Коркодейл таскал тяжести, и не расставался с оружием.

В целом дороги были безопасны, но мелкие банды могли доставить путникам неприятности. Поэтому двигались ветераны неспешно, подстраиваясь под движение крупных обозов.

Первая стычка у них произошла из-за готовки. Коркодейл служил в отряде, которому полагалось все – от доспехов и алебард, до кашевара и прачки. Он, конечно, сумел бы что-то приготовить на печи, да и хлеб с мясом резал неплохо, но вот сварить полноценный суп или кашу на костре было выше его умений. Лайн же, хоть и родился в баронстве, большую часть жизни провел в городе, в большой семье, в которой готовкой занимались женщины. Потом служба, на которой кормили, либо давали денег на трактир.

В дорогу они взяли хлеб, сыр, окорок и вязку вяленого мяса – привычной походной еды, но уже на второй день начали тянуть носами в сторону обозных котлов. Приметившая их интерес бойкая вдовица предложила кормить ветеранов горячим, за серебрушку в день. Учитывая, что в более обжитых местах на эти деньги можно было неплохо покутить в трактире, экономный сын торговца отказался, а вот стражник собирался согласиться, но Самюэль уперся:

– Не глупи, на эти деньги можно и в трактире поесть! – твердил он, уводя попутчика к повозке.

– Трактиров тут нет! – сердито и голодно кивнул бывший стражник на окружающий стоянку лес.

– Ты все деньги спустишь, не доехав до своей земли! А там, прежде чем получить что-то, вкладывать придется! – продолжал убеждать Дэвлина Самюэль. Потом огляделся, махнул рукой и заявил:

– Жди здесь, страдалец, найду тебе миску супа! – после этих слов Лейн убежал куда-то в глубину обоза, и его не было так долго, что Коркодейл чуть не заснул.

Вернулся Самюэль не один – привел с собой скрюченную старушонку – мать одного из возчиков. Оказалось, за ту же серебрушку ушлый торговец договорился с бабулькой, чтобы она научила их готовить на костре, а заодно и готовила, пока они едут с обозом. Пожилая женщина быстро перебрала их запасы, выбрала подходящий котелок, и коротко, на пальцах объяснила, сколько нужно воды и крупы для каши, чем лучше приправить и как сохранить до утра в теплой золе. Под ее руководством мужчины все сделали сами, а потом еще выслушали несколько полезных советов о дорожных припасах, пряных травах и экономном распределении продуктов.

Когда каша сытно запыхтела, старушка ловко сдвинула котелок своей клюкой и сказала:

– Тут вам и на завтрак хватит, а к вечеру я подойду, покажу, как кулеш сварить!

На том и расстались. Горячий ужин привел невольных попутчиков в хорошее расположение духа, так что они вновь разговорились. Коркодейл скупо поведал об отцовском замке, четырех старших братьях и удаче, что позволила ему получить место в королевской страже.

– Я юнцом был, – говорил он, улыбаясь углом рта, глядя в огонь, – только четырнадцать стукнуло, к нам заехал королевский глашатай. Прочел указы, переночевал, а утром выяснилось, что двое его людей не могут продолжить путь. Отец предложил ему взять замену из нашего отряда. Я и тогда уже рослый был, лицо чистое, он и ткнул в меня пальцем, и Финна еще выбрал. Тот постарше был, потолковее, остался при глашатае, потом его сменил, а меня вскорости в стражу перевели… А ты как на королевской службе оказался?

– Да глупо вышло, – чуть смутился Лайн, – у меня слух тонкий всегда был, потому что видел я плоховато. Ну вот и услышал раз, как за забором сговариваются банк ограбить. Тоже малец еще был, – Самюэль вздохнул с сожалением, – в банке сначала посмеялись, но потом

видно какую-то защиту поставили сверх обычной и ограбить их не смогли, только двери поломали и еще там что-то. А за мной на другой день и пришли. Думали я наводчик или что-то вроде. Ну пришлось показывать забор, доказывать, что действительно слышу, а банк-то королевский был. Вот меня и приметили. Я среди братьев самый ленивый был, не хотел тюки с шерстью ворочать, думал полегче работу найти, вот и нашел, – Лайн потер оглохшее ухо.

Коркодейл не стал успокаивать, просто кивнул:

– А лекарь смотрел?

– Смотрел, сказал, перепонка порвалась, вот и не слышу, радуйся мол, что втрое ухо уцелело. Горечи в тоне бывшего «слухача» стало больше, и Коркодейл поспешил закончить разговор:

– Давай спать, обоз по свету тронется.

Оба мужчины закутались в одеяла и уснули.

Однако первая ночевка в обозе кое-что изменила в их отношениях. Они поняли, что как бы не началась их жизнь, продолжается она одинаково, а значит, нет смысла кичиться, или требовать особого уважения из-за принадлежности к знатному роду или элитной части королевской службы. Союз равных, вот чем обернулся их договор «доехать вместе».

В пути мужчины вставали рано, делали разминку, потом брались за оружие. Коркодейл работал с тяжелым мечом, иногда с секирой. Лайн предпочитал ножи, стрелки, даже заточенные монетки. Потом они немного боролись, и купцы выходили посмотреть, как Самюэль кружит, обходя высоченного Дэвлина, а тот кажется огромным и неуклюжим, а потом рывок – и вот уже Лайн хлопает ветерана по плечу, объявляя, что сдается.

Пару раз, когда на Лайна нападал кураж, им даже подбросили несколько монет «за зрелище».

– Сможем зарабатывать на площадях, если дела в деревне будут совсем скверными, – хмыкнул Самюэль, подбирая медяки.

– Я тебе не цирковой медведь! – оскорбился Коркодейл.

– Конечно не цирковой, гербовой, как минимум, – усмехнулся «слухач», и шутовски поклонился зрителям.

За неделю пути вместе с обозом ветераны научились готовить на костре, притерлись друг к другу, выработали свою систему знаков и добравшись до развилки, свернули в сторону баронства Грейнж.

– Еще три дня по тракту, и доберемся до границы, – говорил Коркодейл, рассматривая потрепанную карту.

– Так нам в баронство не надо пока, – возражал Лайн, – сначала в королевскую марку, бумаги предъявим, потом уж к барону.

– А вот и нет, – покачала головой рыцарь, – если мы с бумагами к наместнику явимся, нас через неделю каждая собака в лицо знать будет. Предлагаю сразу в баронство ехать, да и наняться к барону на службу. От своих стражников в замке скрывать ничего не будут, а деревеньки наши и без нас постоят.

Сын торговца нахмурил высокий лоб:

– Тебя стражником точно возьмут, ты и вид имеешь и стать, а меня куда? Глухого еще?

– Да хоть на кухню, – пожал плечами Дэвлин, – все новости будешь знать.

– Сомнительно мне, – заерзал на месте Самюэль, – может к ведьме сперва?

– Так одно другому не мешает, – хмыкнул Коркодейл, – въедем в баронство и начнем про ведьму расспрашивать, а там, глядишь, и до замка доберемся.

– Утро вечера мудренее, неуступчиво пробормотал Лайн, заворачиваясь в одеяло.

Сын барона только хмыкнул. Он уже знал, что при всей своей жизнерадостности, напарник пессимистично относиться к планам. Ничего, за три дня привыкнет, и будет считать службу

в замке хорошей идеей. Своей! Потаено усмехнувшись, Дэвлин вытянулся под куском серой шерстяной материи, и уснул.

Глава 2

Когда дверь со скрипом распахнулась навстречу, женщина подпрыгнула на месте, издала придушенный писк и чуть не упала в колючие кусты, подступившие к самой избушке.

– Ну чего пищишь? – раздался ворчливый голос, – заходи, коли пришла!

Баронесса выпрямилась, сжала кулаки и печатая шаг двинулась к избушке.

Внутри оказалось на удивление чисто, светло и уютно. Пучки сухих трав висели прямо над головой, благоухая летом, хотя еще только-только началась весна и как помнила Вероника, в эту пору копали корни, да собирали самые нежные первоцветы.

Ведьма тоже выглядела обычно – женщина средних лет в темной добротной одежде. Волосы прикрыты белым платком, платье спрятано под передником, ни хромой ноги, ни бородавки на носу, о которых болтали в деревне.

– Насмотрелась? – ехидно спросила хозяйка избушки, и Вероника покраснела, понимая, что неприлично пялилась на женщину.

– Простите, – прошептала она, закусив губу.

– Ладно, – отмахнулась ведьма, – зачем пришла?

– Ребенка, родить не могу, – ответила Вероника, чувствуя, как подступают слезы и мелко дрожат губы.

Женщина прошла к столу, прибавила огонек в лампе и пристально всмотрелась в гостью.

– Жена барона Грейнжа?

Ника кивнула, не в силах вымолвить не слова.

– Брось это дело, от него не родишь.

– Ппочему? – запинаясь уточнила баронесса.

– Болел наш барон в детстве. От этой болячки мужчины семя свое теряют. Вроде и есть оно, а вроде и нет, как воду льют.

– Что же мне делать? – Ника почувствовала, что уплывает последняя надежда, и просто осела на пол, заливаясь слезами, рассказывая этой незнакомой женщине, какая нужда привела ее к ней в логово. Монастырь показался баронессе цветочками по сравнению с тем, что сестре предстоит выдержать те же семь лет жестокости и надругательств, прежде чем ее так же выкинут вон.

Ведьма дала ей пореветь, потом подсунула кружку, пахнущую медом и валерьяной, а когда всхлипывания затихли, буднично посоветовала:

– От другого роди.

Вероника встрепенулась, собираясь возмутиться предложением, потом просто закрыла глаза и устало протянула:

– Не могу.

– С чего это? – удивилась ведьма, – ты вроде леди здоровая, да и я помогу, чем смогу.

– Муж узнает, что с другим была – убьет, – горько усмехнулась молодая женщина. – Ревнив он, и каждая собака ему докладывает, где я была и что делала.

– Вот оно как, – озадачилась ведьма, – а муж сам не может и в монастырь гонит?

Вероника только кивала.

– А король что говорит?

– Король? – изумилась женщина, – да какое дело королю до жены барона?

– Королю до всего дело есть. Ты вот что, молодка, напиши-ка сама Его Величеству, и потребуй развод с возвращением приданого.

– Да как я напишу, – отмахнулась Вероника, – писать то я умею, да ведь гонцы все мужу служат, сразу донесут!

– А ты тут пиши, да перстнем своим запечатай, а я уж найду гонца! – ведьма решительно подтолкнула баронессу к столу, вынула из шкафчика перо, чернильницу и лист неплохо бумаги. Молодая женщина села, и как сумела, изложила свою версию событий, добавив просьбу о возвращении приданого и освобождении сестры от опеки барона. Потом накапала сургуча из вовремя подсунутой палочки, приложила свое баронское кольцо и устало откинулась на спинку стула, чувствуя, что силы совсем покинули ее.

Ведьма покачала головой, да и увела баронессу в закуток для больных – уложила на постель, стянула сапожки, напоила медовой сытой и заявила:

– Спи до утра, нечего ночью по лесу шастать, а утром придет кто-нибудь и проводит тебя до замка.

– Барон, узнает! – встрепенулась женщина.

– И так узнает, – отмахнулась ведьма, – и не скажет ничего, сам поди о наследнике мечтает.

Вероника признала ее правоту и медленно закрыла глаза, погружаясь в сон. Она не видела, как ведьма убрала со стола письменный прибор и запечатанный лист. Как прошлась по горнице, с сомнением поглядывая на закуток, а потом не выдержала – остановилась, вынула из мешочка на поясе несколько неровных кубиков и кинула их прямо на стол. Склонилась, читая гадательные знаки, задумчиво усмехнулась, сгребла их в кулак и снова спрятала в мешок.

– Ну, старая, ты еще не разучилась читать по глазам! Помоги этой девочке, и поможешь всем! – пробормотала ведьма, а после ушла за полог и зашуршала там, готовясь ко сну.

Утром в избушку ведьмы робко постучали:

– Ваша милость, тут с вами поговорить хотят, – пропищал детский голосок.

Шлепая войлочными туфлями, ведьма подошла к двери, выглянула и шикнула на баронессу:

– Сиди за шторкой, не выходи. Я потолкую с людьми, а потом Дор тебя до замка проводит.

Вероника послушно забилась под одеяло, и даже вздохнуть лишний раз опасалась – если ее увидят в избушке ведьмы, поползут слухи и тогда уж муж отправит ее в монастырь быстрее, чем письмо дойдет до Его Величества.

Накинув на голову платок, ведьма распахнула дверь и скрипучим голосом произнесла:

– И кого это ко мне дорога привела?

Судя по звуку шагов, в дом вошли несколько человек. Баронесса прислушалась – один ступал тяжело, но мягко. Он остановился рядом с тонкой занавеской, и сквозь редкую ткань до женщины донесся знакомый запах – лошадь, оружейное масло, железо. Воин?

Второй ступал легче, быстрее и дробнее. Явно меньшего роста, и ткань его одежды шелестит иначе. Женщина? Нет, голос мужской.

Третий шлепал по половицам босыми ногами, и его ведьма быстро услала:

– Дор, ступай в сарай! Там крольчиха окотилась, водички ей дай, да присмотри, у меня для тебя дело найдется попозже.

Мальчишка убежал, стуча босыми пятками, а женщина заговорила снова:

– Вижу, что в дом мой пожаловали не простые воины. Чего вам угодно, милорды?

– Мы искали дорогу к местной ведьме, – густым баритоном ответил один.

– Нам сказали, что нет в этих краях женщины, мудрее тебя, – с намеком на лесть более звонко добавил второй.

– Что ж, готова поделиться мудростью, – с легкой усмешкой сказала женщина, – присаживайтесь, гости дорогие, перекусите, чем боги послали.

Судя по звукам, мужчины сели, но разместились так, чтобы правая рука оставалась свободной, и мебель не задержала удара. Ведьма выставила из печи теплый травяной отвар и постные щи, расхваливая свою стряпню. Гости не отказались от теплого чая и супа, а баронесса,

притаившись, как мышка слушала все, что происходило в доме, и удивлялась – как эта женщина не боится оставаться наедине с двумя мужчинами?

Утолив голод и выполнив закон гостеприимства, хозяйка перешла к делу:

– Так, гости дорогие, как же мне вас называть?

– Я Коркодейл, – буркнул баритон.

– Я Лайн, – эхом отозвался более высокий голос.

– Я Эмма, – представилась ведьма. – Так вы пришли ко мне вылечить свою глухоту? – спросила она.

– Нет! То есть… Неужели вы сможете что-то сделать? – неожиданно севшим голосом спросил тот, что был помоложе.

– Смотреть надо, – веско ответила Эмма, – могу помочь, а могу и хуже сделать!

– Мы вообще по другому вопросу, – помолчав, сказал Коркодейл, – король нам землю выделил в здешней марке. Нам бы совет, куда лезть не стоит, на что внимание обратить.

– Совет дам, да примите ли? И совет мой не бесплатный! – довольно нахально заявила ведьма.

Мужчины напряглись, помолчали, потом тот, что говорил баритоном сказал:

– Мы заплатим.

– Я денег не беру, – открестилась ведьма.

– Заплатим, чем скажешь, Эмма.

– С каждого по желанию, – довольным тоном объявила женщина. И тут же пояснила: когда скажу, пойдете туда, куда скажу и сделаете, что скажу. Обещаю – ничего противозаконного или смертельно опасного.

После некоторого молчания, мужчины согласились. Леди Вероника за занавеской притихла, как мышка, вслушиваясь в хрипловатый голос колдуньи. Ведьма не обманула – принялась подробно рассказывать, что нужно сделать в первую очередь. Какие колодцы расчистить, какие засыпать. Где можно взять лес, на починку домов, а где лучше не трогать, дать подрасти.

Под журчание речи жена барона уснула, а когда проснулась, мужчин в избушке ведьмы уже не было.

– Вставайте, миледи, – старуха выглядела усталой, но оживленной. – Вот вам список продуктов, которые нужно есть каждый день, чтобы понести здоровое дитя. Теперь скажите-ка мне, когда у вас появляются женские недомогания? – записав ответ в потрепанную книжицу, ведьма что-то посчитала на пальцах, покачала головой и серьезно сказала: – если все что я скажу сделаете, будет у вас малыш. А теперь миледи ступайте в замок. Да коли моих гостей там встретите – не узнавайте!

С этим странным напутствием женщина вывела жену барона на крыльцо, и поручила парнишке проводить ее до замка. Вероника шла понурившись, но завидев знакомые стены встрепенулась – надо же как-то оправдать свое отсутствие! Поэтому леди быстро свернула на луг, и набрала листочков щавеля, не замеченного местными хозяйками. Так и вошла в донжон с передником, полным свежей зелени.

Глава 3

Барон встретил жену неприветливо:

– Где была? – грубо спросил он ее, не обращая внимания на мужчин, стоящих у стола.

– Собирала щавель для сладкого пирога, – привычно потупилась Вероника.

Она давно усвоила, что перед мужем лучше выглядеть занятой хозяйством, или рукоделием, чтобы не вызывать гнева. Для нее это не составляло труда – хозяйка замка и так с утра до ночи присматривает за всем, да и сама не ленится. Лорд Грейнж смерил ее взглядом и ушел на псарню.

Тихонько вздохнув, Вероника отнесла щавель на кухню, велела испечь пирог со свежей зеленью и прошлогодними яблоками, а потом поднялась в свою спальню, чтобы умыться и причесать волосы, сбившиеся под чепцом. Хорошо, что она не стала надевать для похода к ведьме пышные юбки из тонкой шерсти и нарядный гейбл[1], расшитый золотой тесьмой! Ревнивый муж непременно решил бы, что она наряжалась для другого мужчины, а так, простой полотняный головной убор для выхода на луг не вызвал никаких подозрений.

Приведя себя в порядок, хозяйка замка отправилась в прачечную – наступил день варки мыла, и она должна была сама присмотреть за процессом, вовремя добавить тертый мыльный корень, сок мяты или драгоценное ароматическое масло.

Простого грубого мыла для замка требовалось очень много – им мылись воины и слуги, им стирали одежду и белье, мыли собак, кипятили посуду и половики. Такое мыло готовили в большом котле, выливали в деревянный лоток и резали ножом на большие куски. Душистого мыла готовили меньше. Среди лугов и болот водилось не так много трав с сильным ароматом. Вероника любила вересковое мыло, и мятное. Иногда варили горькое мыло – с полынью, дегтем, или пижмой. Его раскладывали в шкафах, чтобы защитить шерстяные плащи и юбки от моли и жучков, им промывали раны, и натирали сбрую, чтобы отгонять насекомых в походе.

Самым мягким и ароматным было конечно «дамское» мыло. Его варили из трижды очищенного жира и сдабривали несколькими капельками ароматического масла, привезенного бароном из похода. В замке Грейнж этим мылом пользовался сам барон, его супруга и сестра баронессы, остальные дамы обходились мятным или вересковым, ведь драгоценное масло придавало коже мягкость, а телу – приятный запах. Барон считал себя щеголем, и потому запрещал пользоваться редким мылом кому-либо еще. Не терпел конкуренции.

Поскольку жира для приготовления моющего средства требовалось много, варку мыла старались приурочить к большой охоте, или забою домашнего скота. Но весной не бывает ни того ни другого, так что пришлось поискать в погребах старые запасы и хорошенько проварить основу. Запах в прачечной стоял удушающий! Женщины, орудующие веселками, замотали лица платками, но леди Грейж вошла внутрь, словно не заметив тяжелых испарений. Она заглянула во все котлы, похвалила прачек и распорядилась добавлять щелок в мыло для стирки, полынь и пижму в мыло от насекомых, а потом собственноручно капнула масла в «дамское мыло».

– Разливайте без меня, – сказала леди Вероника, убедившись, что чистые лотки готовы, черпаки блестят, а у женщин есть крепкие рукавицы, чтобы не обжечься, – я подойду, когда застынет.

Ближайшая прачка присела в книксене, и баронесса поспешила уйти. Незачем мешать занятым людям, у нее есть и другие дела. В коридоре ее поймал секретарь мужа Саймон. Барон взял мальчика на воспитание у мелкого рыцаря, обещая обучить воинской науке, но уже в замке выяснилось, что парнишка хлипковат, зато обучен грамоте, и неплохо держит в руках

[1] Гейбл – средневековый головной убор.

перо. И постепенно Саймон Терр стал писать за барона письма, заполнять прошения, вести книги учета поселян и воинов на территории баронства.

– Миледи! – юноша был всегда вежлив с Вероникой, а еще тайком бросал взгляды на крошку Виолетту. – Прошу простить мою дерзость… В кабинете барона заканчивается сургуч и облатки.

– Я как раз иду в красильню, – улыбнулась баронесса, – вчера привезли киноварь и белую смолу. Если ты поторопишься и принесешь мне бумагу, к вечеру все будет готово.

– Бегу со всех ног, миледи! – просиял парень, и побежал на верх, только пятки засверкали, а Вероника пошла в красильню. Это помещение располагалось рядом с прачечной, но все же отдельно, чтобы случайно не испачкать белье, да и запах в этой комнатке стоял специфический.

Войдя, баронесса неспешно взялась отмерять нужное количество белой смолы и киновари, потом развела некоторое количество красителя чистым самогоном, процедила через редкую ткань, и сняла с полки пропитанные воском дощечки, на которых будут сохнуть будущие облатки – кусочки красной бумаги, которыми секретарь барона будет запечатывать письма, подтверждая волю владетеля. Киноварь дорогой краситель, и не каждый рыцарь может себе его позволить. А барон Грейнж любил подчеркнуть свою значимость такими вот деталями.

Вскоре прибежал запыхавшийся секретарь. Под его пристальным взглядом, леди разложила листы бумаги на восковые дощечки, а потом принялась брать их по одному за уголок, и смачивать в блюде со спиртовым раствором алой краски. Самогон быстро испарялся, не портя плотные листы, а краска оставалась, впитываясь в грубоватые волокна.

– Вот, Саймон, скоро все высохнет, надеюсь тебе хватит, – сказала баронесса, переключаясь на маленькую жаровню для нагрева смолы. – Сургуча фунта три получится, может четыре, – добавила Вероника, помешивая палочкой вязкую массу, чтобы она быстрее и равномернее прогревалась. – Киновари маловато прислали.

Секретарь промолчал. Ему ли не знать, сколько дорогой краски заказывал барон торговцу? Это он под диктовку господина замка писал письма торговцам. Он же выводил каллиграфическим почерком королю прошение о разводе. Еженедельно разбирая почту, парень вольно или невольно знал о многих секретах своего господина, но клятва на крови не позволяла ему болтать. Зато позволяла искренне сочувствовать доброй хозяйке.

Убедившись, что смола и киноварь смешались в единую, гладкую и блестящую массу, Вероника с облегчением подхватила котелок, и вылила его содержимое в узкое ведерко с холодной водой. Масса с шипением застыла. Слабо улыбнувшись секретарю, хозяйка замка вручила ему красный сургуч и алую бумагу, и выпроводила вон. Незачем им оставаться наедине. Барон ревнив, и несмотря на то, что сам не брезгует служанками, селянками и маркитанками, за женой следит в три глаза!

* * *

Лайн и Коркодейл вышли из домика ведьмы несколько озадаченными. Женщина рассказывала им правду – они оба умели видеть ложь, да еще сопоставляли ее слова с кое-какой информацией, собранной в пути. Оплата напрягала, но обещание не просить противозаконного утешало. Дело было в другом – и Дэвлин и Самюэль ощутили в избушке ведьмы еще одного человека. Одному помогли воинские инстинкты, другому – тонкое чутье. Они оба знали, что кто-то есть и оба не чувствовали от незнакомца угрозы. Как такое могло быть? Даже мальчишка, играющий с кроликами, воспринимался, как возможный соглядатай, а тут…

– Гхм, Сэм, – начал Коркодейл.

– Дэв? – отозвался напарник.

– Ты заметил? В избушке был кто-то еще!

– Заметил, – покивал «слухач», – странно, что ведьма позволила этому человеку слушать наш разговор.

– Никаких тайн она не открыла, – качнул головой сын барона, – да и тот, кто у нее прятался не слушал наши разговоры. Он даже на нас не смотрел.

– Согласен, – кивнул сын торговца, – я привык чуять чужой интерес.

– А нас учили замечать чужие взгляды, – не отстал Дэвлин, – тогда вопрос – кому мы настолько не интересны?

– Нечисти? – предположил Сэмюэль.

– Нет, для разумной мы игрушка, для неразумной – пища. Тут не было ни любопытства, ни голода.

– Тогда не знаю, – признался «слухач», вышагивая по тропинке, – но я запомнил ощущение, если еще раз встречу это существо – не пропущу.

Мужчины вышли из леса, и неспеша двинулись к замку.

Твердыня рода Грейнж была маленьким шедевром практичности. Высокие серые стены шириной не менее семи футов, имели очень мало окон. Вокруг замка был выкопан широкий ров, который наполнялся водой из бурного ручейка, а излишки крутили колесо небольшой хозяйской мельницы. Сын барона оглядел открывшийся вид и одобрительно кивнул:

– Барон хороший хозяин! Взгляни, заливные луга едва обсохли, а их уже расчистили от коряг. А у берега стоят рыбные садки и мостки для прачек. Лодки просмолены, сети чинят, хотя по реке еще мусор несет. Право давно не видел таких опрятных земель!

Самюэлю не очень было понятно то, что увидел Коркодэйл, зато он заметил другое:

– Люди хорошо одеты. Просто, но опрятно. Шевроны у всех есть и ткань хорошо прокрашена, думаю хозяйка тут хозяину под стать!

Замолчав, мужчины двинулись к замку, продолжая присматриваться. Уже на подступах к мосту, там, где местные крестьяне продавали молоко, зелень, сыр, вяленую и копченую рыбу, лепешки с весенней зеленью и кое-какие поделки, незнакомцев остановил стражник.

– Кто такие? – довольно строго спросил он.

– Дэвлин Коркодейл, и Самюэль Лайн, – ответил Дэвлин, – хотим к барону на службу наняться.

– А что умеете?

Стражник говорил слишком вальяжно, и дерзко, для простого охранника ворот, да и шеврон его был не просто намалеван на куске сукна, а вышит и довольно искусно, поэтому ответили путники вежливо:

– Я служил знаменосцем у герольда, – сказал Коркодэйл, – охранял его в пути, но потом мистер Виллидж умер, и мне пришлось искать новую службу.

– Я сын торговца шерстью, – пожал плечами Лайн, – помощник уронил в красильне котел, и я оглох на одно ухо. Отец отдал лавку брату, а мне пришлось уйти из дома. Невестка каждым куском попрекала. Ищу теперь работу за еду и ночлег.

– Что ж, стражников господин барон сам набирает, а по хозяйственной части у нас баронесса, идемте провожу. Но если худое задумали – завтра же со стены свисать будете!

Дэвлин и Сэмюэль только плечами пожали. Стражник, оказавшийся десятником, проводил их через мост к воротам, и передал там дежурному мальчишке, в котте с гербом барона. Коркодэйл опять отметил, что служба у барона хорошо налажена, а Лайн добавил, что не каждый граф может похвастаться формой для своих людей, да еще такой аккуратной.

За воротами все было привычно – узкий извилистый ход, ощетинившийся клювиками арбалетных болтов и копьями решеток, затем довольно просторный двор, в который пускали торговцев, незнакомых гостей и крестьян с податями. Коркодейл аж плечами повел заметив, как разумно все устроено и как щетинится мелкими баллистами стена, отделяющая этот двор от другого – хозяйского.

В стенах прятались казармы, мастерские, какие-то помещения и кладовки. Высокие башни служили и наблюдательными пунктами, и хранилищами боеприпасов, и жильем. У самых ворот суетились люди, ржали кони, а в центре двора располагался донжон – самое главное жилое здание замка. Перед донжоном располагался каменный помост, на котором барон проводил суды, отсюда же герольд возвещал королевские указы и новости.

Пока Коркодэйл восхищался замком, Лайн присматривался к людям, поэтому первым заметил барона, гоняющего стражников в огороженном углу двора. Довольно высокий и крепкий мужчина в чистой рубашке и темных штанах командовал стражниками, заставляя отрабатывать совместное движение в бою:

– Ты атакуешь, ты прикрываешь спину, ты слева, ты справа! Вы должны напоминать ежа, с иголками во все стороны! Еще раз! Копье выше! Меч вперед!

Мальчишка-посыльный подвел новеньких к ограждению и прокричал:

– Господин барон! Десятник Руфус велел к вам новеньких привести!

Лорд обернулся, оценил рост и стать Коркодэйла, потом кивнул ему на стойку с учебными мечами:

– Возьми. Продержишься против меня три минуты, считай поступил на службу.

Дэвлин не спеша подошел к стойке. Краем глаза оценил фигуру барона, и… выбрал тяжелое учебное копье. В ответ Грейнж взял двуручник. Стражники, загудев освободили площадку, и противники начали медленно двигаться по кругу, приглядываясь друг к другу. Покружив, барон кинулся вперед, и ловко развернув меч попытался рубануть противника так, чтобы основной удар пришелся на левое плечо. В случае неудачи противник оставался с отбитой рукой, а при удаче его просто разваливало пополам. Однако Коркодэйлу случалось спарринговать с лучшими бойцами королевства так что он не просто увернулся, а спустил меч барона по копью к самой земле, дозволяя срезать длинную витую стружку, а потом ловким пинком выбил тяжелое оружие из рук Грейнжа.

Барон побагровел, и, кажется, собирался разразиться гневной тирадой, но откуда-то сверху, со стены на песок площадки упал вышитый платочек с кружевным краем. Мужчины все, как один вскинули головы, и разглядели темноволосую голову на стене.

– Виолетта! – рявкнул барон.

– Простите! – пискнула юная девушка, стремительно краснея, – я нечаянно! Миледи попросила отнести платочки в комнаты!

– Ступай! – строго сказал владетель замка, беря себя в руки.

Девушка убежала, а Грейнж поднял глаза на Коркодэйла:

– Принят! Поступаешь в распоряжение десятника Улефа, следующий месяц караул в «час волка» твой!

Дэвлин молча и по-военному коротко поклонился. Он понимал, что барон его запомнил и гонять будет жестко. С одной стороны отказаться принять на службу такого доброго воина он не мог, с другой – если бы не платочек, мог наорать и выгнать с позором за победу. Кстати, платочек куда-то исчез. Местные вояки его не тронули – кто бы посмел?

Вернув оружие на стойку, Коркодэйл вышел за пределы площадки и тотчас был остановлен невысоким крепким воином в легкой броне.

– Со мной иди. В казарме койку найдем, кухню покажу, и на стену. Смена у нас каждые три часа.

– Улеф? – уточнил свежеиспеченный стражник.

– Улеф, Улеф, – хмыкнул десятник и ткнул пальцем в значок на рукаве.

– Другу скажу, что меня приняли. Пусть идет к управляющему договариваться.

Десятник проследил за рукой Коркодэйла и сдержанно кивнул. Сын барона подошел к слухачу и сказал куда и зачем идет.

– Я тогда управляющего поищу, или повара, – понятливо кивнул Лайн. – Если не возьмут, в лесу заночую, а утром встретимся.

Коркодэйл лишь выразительно прикрыл глаза.

Глава 4

Вероника стояла в большом зале и с некоторым раздражением думала о том, что барон очень сильно экономит, передав все замковое хозяйство в руки жены. С одной стороны, это хорошо и удобно – она знает все уголки замка и ведет дела во время отъездов мужа. С другой стороны, иногда ей не хватает чисто мужской возможности мягко поугрожать наглому торговцу шерстью, который привез в замок не заказанное сукно на плащи, а шерсть в мешках, да еще и самого дурного качества!

– Милейший, – наконец сумела взять себя в руки она, – в договоре поставки черным по белому написано: «сукно для пошива плащей, черное и серое шесть кусков по пятьдесят ярдов!». Вы же привезли мне к началу лета грязную шерсть, которую все замковые мастерицы до зимы будут только чистить мыть и прясть!

– Что вы, миледи! Да тут про шерсть в мешках и написано! – блеял торговец, размахивая обрывком коричневой от грязи бумаги.

– Во-первых, я умею читать и писать! – раздраженно прищурившись заявила Вероника, – а во-вторых, мой супруг, барон Грейнж сейчас в замке! И что он с вами сделает, когда узнает, что вы пытались обмануть его самого и его супругу, мне страшно даже представить!

– Раз ваш супруг в замке, миледи, я сам с ним поговорю! – сразу переменился торговец.

И Вероника поняла, что конкретно этот негоциант знает, что барон терпеть не может хозяйственные вопросы. Особенно «женские». Она уже сжала губы, понимая, что все же придется идти к мужу, а ночью терпеть его «визит», но вдруг за спиной торговца появился тощий человек в простой поношенной одежде. Он стянул с головы шапку, поклонился в дверях и заговорил:

– Миледи!

От довольно громкого голоса незнакомца торговец подпрыгнул, развернулся и сразу спал с лица, словно призрака увидел.

– Что вам угодно? – вежливо, но строгим тоном спросила Вероника.

– Слуги во дворе сказали мне, что вы сами нанимаете работников на кухню и во двор. Я ищу места.

За спиной тощего и правда маячил один из возчиков. В отличие от барона, слуги Веронику любили и берегли.

– Мне нужно разобраться с покупкой шерсти, – чуть свела брови леди, – а потом я хочу знать, что вы умеете, где служили прежде, и что хотите получать в оплату своего труда.

– Вас пытаются надуть? – сразу распознал ее недовольство незнакомец. – Я сын торговца шерстью, позволите помочь?

– Буду рада, – вздохнула Вероника.

Тощий подошел ближе, всмотрелся в торговца и вдруг расцвел кровожадной улыбкой:

– Доритор! Ты ли это?

– Лланс? – пробормотал тот, быстро пряча в кошель договор.

– Я, а ты все крутишь свои делишки? Чем он вас огорчил, миледи?

Вероника ровно ответила:

– Был договор на поставку шерсти для плащей, аванс в десять серебряных монет торговец Доритор взял прошлой осенью. Весной должен был привезти ткань, а привез грязную кудель, которую мы не успеем обработать к зиме.

– Значит ваш заказ загнал по дороге втридорога, а очески скупил у лесовиков, чтобы оправдаться, – сказал тот, кого назвали Лансом и крепко взял торгаша за толстые щеки: – а ну говори, куда товар девал?

– ППродал! – жалобно заговорил тот, – графу Пемброку! Он вдвое больше дал! У него сын ко двору едет, надо было свиту одеть!

– Быстро вернул задаток и неустойку! – тощий еще крепче сжал лицо толстяка. – Шерсть оставишь здесь и больше не покажешься!

Дрожащими руками Доритор высыпал на стол десять серебряных монет, и еще десять – неустойку, после чего выбежал из зала, забыв впопыхах шапку.

– Спасибо вам, Ланс, – сказала Вероника, понимая, что проблему с пошивом плаща возврат денег все равно не решит.

– Если вы доверитесь мне, миледи, – вежливо сказал мужчина в ответ, – я напишу своему родичу в столицу. Мой отец и братья по-прежнему торгуют шерстью, и попрошу их прислать сукно для плащей, в нужном вам количестве.

– Это было бы большой удачей, – вежливо ответила Вероника, – но какую цену запросят ваши родичи за такую покупку?

– Думаю можно обсудить цену за аршин, и качество ткани, – улыбнулся ей Ланс и стало понятно, что парень-то еще молод, вряд ли старше ее самой, но жизнь успела помотать его.

– А если я не возьму вас на службу? – сразу озадачилась вопросом Вероника.

– Значит я устроюсь в деревне, – с легкой улыбкой ответил ей сын торговца шерстью, давая понять, что это не станет проблемой. – Мой друг поступил в замок на службу, а мы решили вместе искать для себя новый дом.

– Ну что ж, тогда вы можете написать своим родственникам, – решила баронесса, – а пока я найму вас в помощь главному повару. На кухне нужны мужчины.

– Благодарю вас, миледи! – Ланс вскочил и по городской привычке вежливо коснулся губами воздуха над рукой дамы.

– Служите верно! – произнесла Вероника традиционную формулу, а потом добавила: – идемте, я представлю вас нашему мэтру Жанлю, и покажу вашу комнату в крыле для слуг!

Ланс поспешил вслед за баронессой, думая о том, что ему нравится та хватка, с которой эта дама управляет таким обширным хозяйством. А заминка с торговцем, ну что ж, леди не барон, выпороть торговца без последствий не может. Чем нахал и пользуется, наезжая только в те замки, где нет управляющих, или хозяин мало интересуется делами. Как хорошо, что они уже встречались по одному королевскому делу! Ланс тогда неплохо запугал этого толстяка! А теперь вот пригодилось!

Едва ли не насвистывая, сын торговца тащился по длинным коридорам вслед за баронессой, понимая, что ему уже есть о чем написать Его Величеству. Хозяйка замка весьма достойная дама. А детей похожих на барона во дворе нет. Он Ланс даже намекнул одному слуге, заметив мальчишку в нарядном платьице, мол не барон ли тут семя посеял? Оказалось нет, сынок замужней местной швеи гуляет. А других детей в замке и нет. И это был ответ на тот вопрос, который так требовался Его Величеству. В отличие от некоторых, Самюэль знал, что иногда в отсутствии детей виноват мужчина.

А еще его сердце сладко стукнуло, когда он заметил юную девушку на стене. Она только вступила в пору девичества, и была еще робкой и пугливой, как олененок. И столь же прекрасной! Он не мог отвести от нее взгляда, вот и прихватил оброненный платочек. Теперь квадратик белой ткани, отороченный простым вязаным кружевом, тихонько шуршал за пазухой, не давая забыть дивное видение.

* * *

Остаток странного суматошного дня баронесса провела в своих комнатах вместе с сестрой. Виолетта вытянулась, похорошела и впрямь смотрелась невестой, но была в этот день

задумчива и тиха, даже иголка не так быстро и ловко сновала в ее пальцах. А когда настало время переодеваться к ужину, вдруг спросила:

– Ника, барон правда сошлет тебя в монастырь?

Расслышав панику в голосе девочки, леди Вероника постаралась ее успокоить:

– Если я сумею забеременеть, то не отошлет.

– Я… не хочу за него замуж! – шепотом проговорила Ви.

Сестра шагнула вперед, обняла ее дрожащие плечи и шепнула в ответ:

– Я очень – очень надеюсь, что тебе не придется! Если не будет другого выхода, то я… найду тебе другого мужа! Молодого, пусть и не богатого. Согласна?

Виолетта подняла на Веронику мокрые от слез глаза и удивленно спросила:

– А так можно?

– Ну почему же нельзя? Ты под моей опекой. Если обвенчаетесь не в баронстве, Грейнж ничего не сможет сделать!

– Лучше так! – решительно сказала девочка, утирая слезы.

– Только пусть это будет нашим секретом, – напомнила баронесса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.